

зверь в зверех ожь; ни рыба в рыбах рак; ни потка в потках нетопыр; не мужь в мужех, иже ким своя жена владееть“.¹

Наряду с бытовым словарем, с простой разговорной речью в „Моление“ Даниила властно вторгается и самый русский быт. И не случайно, что „Моление“ всегда привлекало внимание исследователей, изучавших быт и социальные отношения XII—XIII веков. „Не имей собе двора близ царева двора и не дръжи села близ княжа села: тивун бо его, аки огонь трепетицею накладен, и рядовичи его, аки искры. Аще от огня устрезешися, но от искор не можеши устеречися и сождениа порт“,² — перед нами любопытная картина социальных отношений. „Доброму бо господину служба, дослужится слободы, а злу господину служба, дослужится большей работы“,³ „з добрым бо думцею думая, князь высока стола добудеть, а с лихим думцею думая, меншего лишен будеть“.⁴ Даниил как бы щеголяет своей грубостью, нарочитой сниженностью стиля, не стесняясь бытового словаря. Не случайно в одной из редакций „Моление“ называется: „Слово о мирских притчах и о бытеевских вещех; подобно есть сему житие наше, и како ся в нем льстим“.⁵ Это были „простые“ речи „простого“ человека. Что-то было в них хорошо знакомое читателям и переписчикам, если можно было так легко входить в стиль этого произведения, дополняя его новыми вставками, почти не отличающимися от основного текста.

Прислушаемся к стилистической манере Даниила. Вот, например, самое начало произведения. Этим началом Даниил как бы зазывает к себе слушателей — именно слушателей, так как в его произведении отчетливо чувствуется непосредственное к ним обращение: „Въструбим, яко во златокovanja трубы, в разум ума своего и начнем бити в серебряныя органы возвитие мудрости своеа. Въстани слава моя, въстани в псалтыри и в гуслах. Востану рано, исповем ти ся. Да разверзу в притчах гадания моя и провещаю в языцех славу мою. Сердце бо смысленаго укрепляется в телеси красотю и мудростю“.⁶

Перед нами явная переделка псалмов 56 и 107,⁷ но переделка, выполненная отнюдь не в молитвенных целях.

За этим метафорическим вступлением еще Д. В. Айналов отметил черты реальной действительности. Псалтырь слишком явно сбивается на скоморошьи гусли. Д. В. Айналов писал: „Трубы, органы, свирели навеяны в «Слове» Даниила княжескими играми и их потехами, участником которых он был, сам ставши славным игроцем на гусях. Только таким пониманием приступа можно хорошо объяснить и следующую непосредственно за приступом фразу: «Востани слава моя (в) псалтыри и (в) гусях»“.⁸

Не об этих ли скоморошьях гусях идет речь и в дальнейшем: „Гусли бо страются персты, а тело основається жилами“; „гусли строятся персты, а град нашъ твоею державою“.⁹

¹ Н. Н. Зарубин, ук. соч., стр. 26.

² Там же, стр. 20—21.

³ Там же, стр. 19—20.

⁴ Там же, стр. 26.

⁵ Там же, стр. 39.

⁶ Ср. в псалме 56, стих. 9: „Востани славная моя, востани псалтыри и гусли“ или псалом 107, стихи 3—4: „Востани слава моя, востани псалтырю и гусли: востану рано. Исповемся тебе в людех, господи, пою тебе во языцех“.

⁷ Н. Н. Зарубин, ук. соч., стр. 4.

⁸ Д. В. Айналов. Два примечания к „Слову“ Даниила Заточника. Известия ОРЯС АН, т. XIII, 1908, кн. I, стр. 361.

⁹ Н. Н. Зарубин, ук. соч., стр. 19, 66.